

М.В. Новиков

СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1936–1939 гг.: СОВРЕМЕННЫЕ КОНСЕРВАТИВНЫЕ ВЕРСИИ

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9.

Рассматриваются консервативные версии одной из главных внешнеполитических инициатив Советского Союза в 1930-х гг. – помощи Испанской республике. Отмечается сохранение давней тенденции преувеличения степени советского влияния на руководство республики, причастности СССР к широкомасштабному террору в отношении гражданских лиц. Рассматривается новая версия мотивов вмешательства СССР в испанский конфликт. Представлен критический анализ версии, отрицающей антифашистский характер испанской гражданской войны.

Ключевые слова: Испанская республика; гражданская война; советская помощь; консервативные версии.

80 лет назад, 1 апреля 1939 г., в Испании завершилась почти трехлетняя гражданская война, победу в которой одержали противники демократического пути развития этой страны, поддержанные фашистской Италией и нацистской Германией. Активное вмешательство этих держав в испанский конфликт, быстрое формирование в мятежной зоне диктаторского террористического режима во главе с генералом Ф. Франко, пытавшегося копировать некоторые элементы итальянского фашизма и германского нацизма, создали в большинстве стран устойчивое представление об антифашистском характере войны, которую вела Испанская республика.

Обращение руководства Испанской республики о продаже оружия за золото для борьбы с мятежниками к «великим демократиям» – Франции и Великобритании встретило горячую поддержку демократической общественности этих стран и более чем прохладное отношение правящих элит, опасавшихся революционных процессов, развертывавшихся в ходе гражданской войны. В соответствии с принятой политикой невмешательства в испанскую гражданскую войну, руководство Франции и Великобритании отказало демократическому буржуазному правительству Испанской республики в продаже оружия для борьбы с мятежниками, нарушив, в том числе, заключенные ранее торговые соглашения. В этих условиях правительство Испанской республики было вынуждено обратиться за помощью к СССР, с которым у республики не было даже официальных дипломатических отношений.

Первоначальная реакция советского руководства была отрицательной, что объяснялось отсутствием интересов в этой далекой по меркам того времени стране. Однако по мере увеличения количества обращений представителей республики по различным каналам, расширения масштабов германской и итальянской помощи мятежникам, угрозы военного поражения сторонников республики, формирования собственных внешнеполитических интересов советское руководство меняет свою позицию и принимает решение об оказании широкомасштабной, в том числе военной помощи Испанской республике. Специфические особенности механизма принятия принципиальных решений в СССР в тот период и связанное с этим

практическое отсутствие документальных и мемуарных источников привели к появлению большого количества версий о причинах вмешательства СССР в испанский конфликт, наиболее распространенными из которых являются четыре основные, сложившиеся в историографии за 80 лет.

В Советском Союзе помощь Испанской республике официально объяснялась интернациональным долгом советских граждан перед рабочим классом и крестьянством Испании, вступившими в вооруженную борьбу с международным фашизмом. Среди консерваторов на Западе было широко распространено представление о том, что Советский Союз, поддерживая республику, стремился к «мировой революции» и установлению коммунистического режима в Испании. Демократическая общественность западных стран, видя в Советском Союзе наиболее последовательного лидера всех антифашистских сил мира, полагала, что Москва не могла не прийти на помощь испанцам, сражавшимся с международным фашизмом. В противном случае СССР рисковал утратить авторитет среди антифашистов и растерять сторонников в разных странах мира, а этого нельзя было допустить.

Вместе с тем значительная часть исследователей отвергает и «интернационалистическую», и «консервативную», и «антифашистскую» версии, указывая на прагматические расчеты советского руководства, перед лицом фашистской угрозы пытавшегося через оказание помощи Испанской республике установить более тесное сотрудничество с Францией и Великобританией [1. С. 201]. Современные российские историки, как правило, также указывают на прагматические задачи, стоявшие перед дипломатией СССР в 1936–1939 гг. [2–4]. В отечественной историографии их впервые раскрыл мой научный наставник М.Т. Мещеряков, подчеркнувший, что «долговременные стратегические интересы понуждали Советский Союз к активному участию в испанской войне» [5. С. 87].

В соответствии с принятыми руководством страны решениями СССР оказал Испанской республике существенную гуманитарную помощь, оплаченную добровольными пожертвованиями советских граждан [2], всю возможную в тех международных условиях дипломатическую поддержку [3], организовал поставки современного оружия и направил в Испанию

военных специалистов на коммерческой основе [6]. По признанию и современников, и историков, именно помощь Советского Союза позволила Испанской республике вести длительную вооруженную борьбу с объединенными силами мирового фашизма [7. С. 27]. Возникла парадоксальная ситуация, когда коммунистический Советский Союз помогал испанской демократии, а демократические страны – Франция, Великобритания, США – скорее оказывали помощь фашистскому режиму генерала Франко. Этот достойный эпизод истории советской внешней политики давно стал предметом самых изощренных домыслов и спекуляций и во франкистской, и в консервативной западной историографии, представители которой пытаются бросить тень на действия СССР, а заодно и оправдать близорукую предвоенную политику руководства «великих демократий».

В 2007 г. нам казалось, что одной из основных тенденций в развитии мировой историографии гражданской войны в ближайшие годы будет интеграция национальных литератур и поиск компромиссных оценок по спорным сюжетам, приближение к исторической истине [2. С. 309]. Как показало дальнейшее развитие событий, этот прогноз оказался преждевременным. Неоконсервативная волна в западной историографии начала XXI в. оказала влияние и на литературу о гражданской войне в Испании, причем в центре внимания вновь оказалась советская помощь Испанской республике.

Мы уже отмечали, что в условиях XXI в. известный американский историк, крупнейший специалист по истории гражданской войны в Испании Стенли Пейн предпринял попытку реанимировать версию о том, что СССР пришел на помощь Испанской республике с целью продвижения мировой коммунистической революции и установления при определенных условиях в Испании еще одной советской республики [8. С. 128].

Будучи профессиональным историком высшей квалификации, Пейн приходит к этому выводу на основании изучения широкого круга источников, включая изданные в СССР и в современной России сборники документов, произведения вождей мирового коммунистического движения (И. Сталина, Г. Димитрова, П. Тольятти, Д. Мануильского, Х. Диаса, Д. Ибаррури и др.), воспоминания, дневники и эссе очевидцев гражданской войны (в том числе М. Кольцова, И. Эренбурга, Н.Г. Кузнецова, С.А. Ваупшасова), труды советских и российских исследователей с 1930-х гг. до наших дней [9].

Пейн подробно анализирует неудачные попытки приблизить мировую коммунистическую революцию, неоднократно предпринимавшиеся советским руководством с 1920-х гг., в том числе и случаи оказания военной помощи различным революционным движениям в соседних с СССР государствах. Вместе с тем он рассматривает изменение тактики коммунистов после состоявшегося в 1935 г. VII конгресса Коминтерна, призвавшего к созданию антифашистского «народного фронта» – широкой коалиции демократических партий и движений, которая могла бы легальным путём добиться власти и сформировать своё пра-

вительство без участия коммунистов, но при их полной поддержке. Это называлось «демократией нового типа», более «передовой» по сравнению с «буржуазной». Однако, как отмечает Пейн, «пролетарская революция оставалась главным пунктом повестки дня». Подтверждением этого он считает выступление Г. Димитрова, заявившего: «Мы должны честно сказать массам: народный фронт не может принести окончательного освобождения... Необходимо готовиться к социалистической революции. Советская власть и только советская власть может принести окончательное освобождение» [9. Р. 63]. Тем самым, утверждает Пейн, даже если коммунисты искренне боролись за демократию в Испании в 1936–1939 гг., всё равно после возможной победы они захотели бы установить собственный режим и образовать ещё одну советскую республику. И хотя, по словам Пейна, «общепризнанно, что к середине 1930-х годов Сталин полностью потерял интерес к Коминтерну и отказался от идеи разжигания мировой революции», революционная перспектива «оставалась частью фундаментальной советской имперско-революционной парадигмы» [9. Р. 128].

Неоконсервативная, неофранкистская трактовка концептуальных положений истории гражданской войны характерна и для современной испанской историографии [10. С. 511–512]. Журналист, публицист, историк Луис Пио Моа Родригес, опираясь преимущественно на модернизированные франкистские мифы, предпринимает попытку пересмотреть некоторые положения общепринятой в западных странах и современной России демократической концепции испанской гражданской войны в целом и советской помощи Испанской республике в частности. Его материал впервые появился в 2016 г. на одном из сайтов в связи с 80-летием начала гражданской войны в Испании [11], а затем был издан в переводе Е.А. Полетаевой в «Русском сборнике», посвященном этому же событию [12. С. 81–99]. В статье с характерным названием «Некоторые принципиальные ошибки в представлениях о гражданской войне в Испании» он пытается преимущественно на основе домыслов подвергнуть ревизии ряд общепринятых версий, связанных с различными аспектами оказания Советским Союзом помощи Испанской республике, включая ее мотивы.

Подобно Пейну [9. С. 1–7], Родригес полагает, что советское видение гражданской войны в Испании необходимо рассматривать в рамках ленинской теории империализма как высшей стадии капитализма, сопровождаемой неизбежными войнами ведущих держав за передел мира. Первая мировая война привела к революции в России и образованию СССР, противоречия между империалистическими державами должны были неизбежно привести к новой мировой войне [12. С. 81].

Согласно Пейну и Родригесу, которые ссылаются на одну и ту же цитату из труда С. Коткина, по их мнению, адекватно отражающую сущность советской внешней политики, «будущий вооруженный конфликт между сильнейшими капиталистическими государствами представлялся неизбежным в силу самой

природы капитализма. Целью Советского Союза было уклонение от ближайшей большой «империалистической войны» до тех пор, пока главные капиталистические страны окончательно друг друга не ослабят, и последующее решительное вступление в нее с целью обеспечить мировую победу коммунизма» [12. С. 82].

В соответствии с данной целью СССР, по версии Родригеса, начал помогать Испанской республике не для борьбы с фашизмом, не ради защиты испанской демократии и даже не для того, чтобы через совместную работу по оказанию помощи Испанской республике наладить сотрудничество с Францией и Великобританией. Оказывается, хитроумный, коварный и всемогущий Сталин, приглашая в 1936 г. Францию и Великобританию к совместным действиям в испанском вопросе, на самом деле пытался втянуть их в вооруженную конфронтацию с фашистскими державами. Сталин якобы способствовал возрастанию противоречий между империалистическими державами, «другими словами, он добивался, чтобы война, представлявшаяся неизбежной, вспыхнула на Западе, между нацистской Германией и демократиями, а не на востоке, между Гитлером и СССР» [12. С. 82–83].

Родригес утверждает, что если бы стратегия столкновения демократических и фашистских государств Европы из-за Испании имела успех, то в новой мировой войне СССР оказался бы не участником, а арбитром, «наблюдающим за тем, как противники истощают друг друга». Неизбежным следствием войны должны были стать разруха и нищета, «которые привели бы к новым коммунистическим революциям» [12. С. 83].

Приглашая рассматривать советскую политику в отношении испанского конфликта в контексте предыдущих рассуждений, Родригес утверждает: «Испанская война приобрела исключительную важность для Сталина. Первое время он относился к ней с опасением, поскольку она угрожала «мирному» развитию левых революционных сил в Испании. Когда же Сталин убедился в том, что борьба затягивается, стала очевидной двойная возможность: во-первых, столкнуть империалистические государства между собой там, на значительном расстоянии от собственных границ, во-вторых, установить в другой стране режим, лояльный советскому» [12. С. 84].

Бездокладательно изображая из Сталина всесильного мирового лидера, способного манипулировать великими державами, Родригес замалчивает общеизвестный факт относительной военно-экономической слабости СССР в 1936–1939 гг. Возможности СССР серьезно влиять на мировую политику в тот период были крайне ограничены, и отмеченное выше желание Сталина, если оно и было, очень трудно было воплотить в реальность.

Все известные документальные источники говорят о том, что главной целью советской политики в ходе конфликта была победа Испанской республики в гражданской войне с сохранением существующего конституционного строя в рамках буржуазной демократии. Практически все историки, в том числе придерживающиеся консервативных взглядов, отмечают, что Сталин решительно пресекал все попытки социа-

листического экспериментирования и даже постановки задач по установлению социализма в Испании, понимая нереальность таких целей в тех конкретно-исторических условиях. Предполагалось, что после победы в гражданской войне Испанская республика сохранит дружественные отношения не только с Советским Союзом, но и со всеми демократическими государствами, прежде всего с Францией и Великобританией.

Пытаясь привлечь Францию и Великобританию к сотрудничеству по оказанию помощи Испанской республике, советское руководство рассчитывало на установление с ними партнерских союзнических отношений. Родригес объясняет отсутствие встречного движения со стороны Франции и Великобритании революционными процессами в Испании, опасениями советизации Испании, хотя на самом деле это было проявлением более глубокой, публично не афишируемой политики британского и французского империализма – политики взращивания германского нацизма для будущей войны с СССР [13. С. 69–70].

Консервативный тезис о намерении Сталина столкнуть демократические и фашистские государства на полях Испании не выдерживает критики и по другим основаниям: в 1936–1938 гг. военный конфликт между ними был невозможен в силу абсолютной неготовности Германии к большой войне и в силу пацифистских настроений во Франции и Великобритании, о чем Сталин был прекрасно осведомлен.

В русле консервативной концепции, существенно преувеличивая влияние СССР в Испании, Родригес утверждает, что «Сталин не ограничился оказанием помощи левосепаратистскому лагерю, он практически подчинил его себе с помощью трех инструментов: контроль над финансовыми резервами, влиятельные военные советники и, главное, Коммунистическая партия Испании, которая являлась прямым агентом Москвы» [12. С. 89].

Первым из трех инструментов Родригес называет установление советского контроля над финансовыми резервами Республики, имея ввиду перебазирование золотого запаса Испании в Советский Союз в октябре–ноябре 1936 г. [14]. Он прямо пишет, что «благодаря переводу значительной части испанских финансовых резервов в Москву в руках Сталина оказалась судьба Народного фронта» [12. С. 86]. В действительности же испанское золото находилось в Москве на хранении, и практика передачи золота с этой целью в другие страны была достаточно широко распространена. Так, в частности, поступила Франция в годы Первой и Второй мировых войн, перебазировав свое золото в США [9. Р. 149].

Испанское правительство полностью контролировало расходование находившегося в Москве золота. В 1936 г. золотой запас Испании оценивался в 783 млн долл., причем часть его стоимостью 155 млн долл. в начале конфликта была перебазирована во Францию для кредитования закупок товаров гражданского и военного назначения, где эти активы были «заморожены». Испанское золото (510 т) рыночной стоимостью около 500 млн долл. перевезли в Москву [15. С. 292]. Часть его на сумму 202,4 млн долл. была

использована на оплату масштабной советской военной помощи [6. С. 98], остальное израсходовано на закупки оружия и различных материалов в третьих странах. Отмечаемые многими исследователями малоэффективные закупки в третьих странах привели к быстрому исчерпанию золотого запаса, и Испанское правительство было вынуждено просить у советского руководства кредиты для оплаты советских военных поставок, что привело к определенному охлаждению отношений [16. Р. 118–119], так что разговоры о «полном контроле над финансовыми резервами» являются преувеличением.

Точно также выглядит ситуация и со вторым инструментом советского влияния – военными советниками. За годы войны в Испанию было командировано 584 военных советника, в том числе в 1936 г. – 100, в 1937 г. – 150, в 1938 – 250, в 1939 – 84. По мнению главного военного советника в 1937–1938 гг. Г.М. Штерна количество советников было совершенно недостаточным, оно обеспечивало потребности Народной армии Испанской республики на 25%, лишь на уровне корпусов, дивизий и бригад, в то время как во франкистских войсках иностранные советники были прикомандированы к каждому батальону, как правило, по два немецких офицера и по семь унтер-офицеров на каждый батальон [2. С. 247].

Рамки полномочий советских офицеров были жестко ограничены. В известном письме И. Сталина, К. Ворошилова и В. Молотова премьер-министру Л. Кабальеро подчеркивалось, что «советский работник, будучи иностранцем в Испании, может принести действительную пользу лишь при условии, если он будет строго придерживаться рамок советника и только советника» [2. С. 248]. Относительно краткое пребывание советников в Испании, как правило, около 6 месяцев, незнание испанского языка и особенностей сложной социально-политической обстановки в республиканской зоне отнюдь не способствовали налаживанию нужных для организации влияния связей с гражданским и военным руководством Испанской республики.

Многие советники были молоды и неопытны, так же как их испанские коллеги, которым они должны были давать советы. Р.Я. Малиновский отмечал, что советники при некоторых командирах дивизий были «отличными лейтенантами, прекрасными командирами рот и взводов, но, конечно, не были готовы командовать дивизиями – да и как давать советы о том, о чем не имеешь понятия?» [17. С. 275].

По мнению авторитетного британского историка Э. Бивора, многие серьезные проблемы во взаимоотношениях советников и испанских офицеров проистекали из столкновения очень разных культур в политической и социальной сферах, у советских граждан не было опыта общения с иностранцами, особенно несогласными с политикой Сталина, что приводило их в шоковое состояние [17. С. 275].

Наиболее серьезным инструментом советского влияния являлась Коммунистическая партия Испании (КПИ), ставшая в годы гражданской войны «воюющей партией», подчинившей всю свою деятельность одной главной цели – достижению военной победы.

Беспримерные жертвы и успехи коммунистов снискали им уважение даже у их заклятых врагов в руководстве Испанской республики, что открывало возможности для расширения зоны советского влияния. КПИ практически беспрекословно шла в фарватере сталинской политики, что особенно ярко подтверждается ее активным участием в разгроме и физическом уничтожении настоящих и мнимых сторонников Л. Троцкого на территории Испании. После печально известного февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) генеральный секретарь ЦК КПИ Хосе Диас подчеркивал: «Мы боремся с троцкистами потому, что они являются агентами наших врагов, пробравшимися в ряды антифашистов. Ошибочно было бы считать троцкистов частью рабочего движения. Это беспринципная группа контрреволюционеров, агентов международного фашизма. Глава этой контрреволюционной банды – Троцкий – прямой агент гестапо» [2. С. 272].

Тот факт, что КПИ была послушным орудием в руках Сталина, вовсе не значил автоматического увеличения советского влияния в республиканской зоне, так как компартия была лишь одной из составляющих Народного фронта, причем не самой значительной, и возможности коммунистов были весьма ограничены. В целом утверждение Родригеса о том, что Сталин «практически подчинил» себе республиканскую зону, представляется сильно преувеличенным, скорее можно говорить о попытках политических и военных советников оказывать влияние на тех или иных руководителей Испанской республики с целью принятия решений просоветского характера, а также о противодействии этим попыткам представителей буржуазно-демократических партий, а также социалистов и анархистов.

Развивая на основе домыслов свою версию мотивов вмешательства СССР в испанский конфликт, Родригес заявляет, что в ноябре 1936 г., когда франкисты готовились к захвату Мадрида, «СССР усилил материальную и организационную помощь, создав условия для окончания войны и разгрома Франко. С этой целью левые, после консультаций с Советским Союзом, попытались использовать свое материальное превосходство, чтобы остановить и уничтожить малочисленную «фашистскую» армию... Если бы левые тогда победили, Москве не удалось бы привлечь на свою сторону демократические государства, но она, по крайней мере, могла бы рассчитывать на обязательный ей и политически близкий режим, в котором решающую роль играла бы Коммунистическая партия Испании» [12. С. 87].

В приведенной цитате содержатся по крайней мере три спорных утверждения. Во-первых, общеизвестно, что в ноябре 1936 г. в районе Мадрида республиканцами проводилась оборонительная военная операция и отсутствовали планы полного разгрома франкистской армии. Во-вторых, Москве так и не удалось, несмотря на все усилия, убедить руководство демократических стран оказать помощь Испанской республике. В-третьих, если бы произошло чудо, и в ноябре 1936 г. республиканцы победили в гражданской войне, вряд ли СССР мог рассчитывать на содействие КПИ в налаживании взаимодействия с руководством

республики по очень простой причине – компартия в тот период была малочисленна и не имела того морального авторитета, который она приобретет по мере развертывания событий гражданской войны.

Нельзя не согласиться с версией Родригеса о причинах поражения Испанской республики. Действительно, гражданская война началась при значительном материальном превосходстве республиканцев, под их контролем находились почти все финансовые резервы, главные промышленные и сельскохозяйственные регионы, крупные города и коммуникации, почти половина армии, значительная часть флота, авиации и сил безопасности. «То, – подчеркивает Родригес, – как Народный фронт потерял это превосходство, наиболее ярко демонстрирует его несостоятельность, увеличенную соперничеством и раздорами внутри партий. Исключение составляли коммунисты, руководимые непосредственно Москвой. У Коммунистической партии Испании, изначально слабой, действительно была политическая и военная стратегия и дисциплина, которые в скором времени позволили ей занять лидирующее положение в Народном фронте, хотя это и не было абсолютным лидерством» [12. С. 88].

Оценивая объемы военной помощи республиканцам и франкистам со стороны СССР, Италии и Германии, Родригес придерживается версии о примерном ее паритете и о том, что иностранная военная помощь не была решающим фактором в победе франкистов и поражении республиканцев. Мы придерживаемся схожей точки зрения, правда с учетом закупок оружия, произведенных Испанской республикой не только в СССР, но и в других странах. Мы полагаем, что военное превосходство франкистов стало следствием не большего количества поставленного оружия, а более эффективного его использования [2. С. 311].

Нельзя также не согласиться с общеизвестными фактами расходования средств республиканцами и франкистами на закупку оружия: «Расходы Народного фронта были гораздо более значительными, чем у его противников, возможно, из-за широко распространенной коррупции» [12. С. 89]. С Родригесом солидарен Пейн, который пишет, что все расходы республиканцев по закупкам оружия за рубежом, включая поставки из СССР, составили около 800 млн долл. в текущих ценах того времени, причем все было оплачено немедленно золотом. Для сравнения: генерал Франко получил военных товаров и услуг из зарубежных источников на сумму около 700 млн долл., на 225 млн долл. из Германии и на 410 млн долл. из Италии, причем все поставки были произведены в кредит, погашение которого предполагалось после окончания гражданской войны. Пейн подчеркивает, что, оплачивая поставки оружия и военного снаряжения с помощью кредитов, а не золота, как Испанская республика, Франко смог закупить больше оружия и военного снаряжения, что было важно для достижения военной победы [9. С. 158].

Родригес пытается поставить под сомнение антифашистский характер гражданской войны, рассматриваемой большинством зарубежных и российских авторов как вооруженное столкновение демократии и фашизма, предъявляя в качестве аргумента дискуссионную версию о сущности франкистского режима не как фашистского, а как чисто авторитарного: «Франкизм был авторитарным, но не тоталитарным режимом, и внутри него соперничали четыре основные тенденции, которые называют «политическими семьями» (*familias políticas*): фалангисты, карлисты, монархисты и католические политики... Как единственным общим пунктом программ левых было радикальное неприятие католицизма, так все франкистские «семьи» объявляли себя католическими, так что режим в итоге определил себя католическим с точки зрения идеологии и конфессиональной принадлежности» [12. С. 99].

Делая акцент на некоторых особенностях франкизма, действительно имевших место, Родригес совсем «забывает» об общих, схожих его чертах с другими разновидностями фашизма: франкизм периода гражданской войны подобно итальянскому фашизму и германскому нацизму создавался на основе разрушения устоев прежней государственности – Второй испанской республики, основанной на признании всеобщих выборов как источника верховной власти; франкизму, как и другим фашистским государственным системам, была характерна максимальная концентрация власти, вплоть до ликвидации самого принципа разделения различных ее ветвей [18. С. 48]. Франкизм как форма государственности был призван выполнить те же функции, что и прочие разновидности фашизма – прежде всего обеспечить при помощи комплекса специфических мер, включая беспощадный террор против политических противников, укрепление ослабленной социально-политической структуры, действовавшей в конечном счете в интересах землевладельческой олигархии и реакционной номенклатуры для них надежную гарантию безопасности от грядущих потрясений [18. С. 47–48].

В этом политическом раскладе фактор католицизма не имел решающего значения, но он был с успехом использован франкистами в пропагандистских целях. Известный советский и российский испанист С.П. Пожарская так оценивала ситуацию, связанную с формированием франкистского режима в период гражданской войны: «В ближайшем окружении каудильо господствовало убеждение, что в условиях гражданской войны надо делать ставку только на “традиционно правящие элементы” в политической и экономической сфере, т.е. на финансовую и промышленную олигархию, земельную аристократию, армию и епископат. Вместе с тем советники Франко, типа Серрано Суньера, разделяя в общем эти убеждения, пытались внести некоторые коррективы, касающиеся скорее формы, нежели существа дела, полагая, что новым временам больше соответствуют “новые формы” авторитарного государства, образцом которого они считали государство фашистского типа, и такое правительство, где бы фалангисты играли видную роль. В этом франкисты, подобно Серрано Суньеру, видели также залог благосклонного отношения к “националистической Испании” Германии и Италии, без помощи которых победа в гражданской войне была невозможна. В итоге законодательство, определившее основы франкистского государства, представляло собой своего рода компромисс между этими точками зрения» [19. С. 322].

В подтверждение своей версии Родригес представляет также дело таким образом, как-будто режимы Гитлера и Муссолини в 1936–1939 гг., главные союзники франкистов в гражданской войне, были вполне приемлемыми для политического сотрудничества: «С морально-политической точки зрения, фашизм Муссолини не отличался большой кровожадностью, политика Гитлера еще не превратилась в геноцид... часто не делают различия между Гитлером того времени и Гитлером периода Второй мировой войны – недопустимая хронологическая ошибка для состоятельной исторической концепции» [12. С. 89].

Пытаясь приукрасить итальянский фашизм и германский нацизм и «забыв» о сотнях тысяч репрессированных членов Коммунистической партии Германии и граждан этой страны еврейской национальности в период с 1933 по 1936 г., упрекая авторов демократической ориентации в «хронологической ошибке», Родригес сам совершает подобную, не делая различия между франкистским режимом периода гражданской войны – террористическим и диктаторским, характеризуемым как «испанская разновидность фашистской государственности» [18. С. 47], и более поздним, послевоенным, вынужденным приспособляться к условиям сотрудничества со своим новым главным союзником – «оплотом демократии» – США.

Доказав, как ему представляется, что франкистский режим периода войны не имел никакого отношения к фашизму, Родригес предпринимает попытку реанимировать старый франкистский миф о том, что Испанская республика была не демократическим государством: «Огромное количество авторов (А. Виньяс и многие другие) отстаивали и продолжают отстаивать мнение, что испанский режим, поддерживаемый и в значительной степени руководимый Сталиным, был демократией и что западные демократические государства совершили большой грех, бросив его на произвол судьбы. Эта версия представляет собой настоящий гротеск. Французское и, в особенности, английское правительства прекрасно осознавали: то, что совершили противники Франко, было очевидной и жестокой революцией, ничего общего не имевшей ни с какой буржуазной демократией. И они боялись, что она распространится на Европу и повергнет ее в кризис. Вряд ли они хотели закрывать глаза на очевидное: им было достаточно лишь поверхностного взгляда на партии, которые составляли Народный фронт, чтобы избежать какой-либо ошибки» [12. С. 90].

Произвольно манипулируя фактами, в том числе относящимися к довоенному периоду, Родригес пытается доказать, что главную роль в политической системе Испанской республики играли революционные партии – социалисты, анархисты и коммунисты, а не буржуазно-демократические партии, входившие в Народный фронт. Революционное трио социалистов, анархистов и сталинистов, по мнению Родригеса, отводило буржуазно-демократическим партиям скорее «декоративную роль, используя их для того, чтобы внешне это было похоже на демократию» [12. С. 91].

Желание выстроить данную версию вынуждает Родригеса пренебрегать общеизвестными фактами. Используя понятие «революционное трио», Родригес

пытается создать иллюзию некоего единства трех партий – социалистической, анархо-синдикалистской и коммунистической, якобы вместе стремившихся к революционным преобразованиям в стране. В действительности же эти партии преследовали разные цели в ходе гражданской войны и противоречия между ними иногда доходили до вооруженных столкновений. Так, в Испанской социалистической рабочей партии он замечает только одно ее революционное крыло во главе с Л. Кабальеро, совсем не упоминая о внушительных фракциях центристов и правых социалистов во главе с И. Прието и Х. Бестейро, совсем не революционных, придерживавшихся реформистской тактики Социалистического интернационала. Ничего не пишет Родригес и о падении влияния анархистов, действительно пытавшихся проводить революционные преобразования в 1936–1937 гг., после известных событий в Барселоне в мае 1937 г. Эти неудобные факты не вписываются в версию Родригеса о не демократическом характере политической системы Испанской республики, тем более, что в другой части своей статьи Родригес верно подчеркивает, что испанские коммунисты отказались от беспорядочных революционных реформ, предлагая отложить их до победы в гражданской войне, заключив союз с мелкой буржуазией [12. С. 86].

Умеренно консервативные подходы демонстрирует испанский историк Антонио Мануэль Мораль Ронкаль в статье «Советский посол в Мадриде: реакция иностранного дипломатического корпуса Испании» в переводе Е.А. Полетаевой [20. С. 170–199]. Статья начинается с рассмотрения некоторых фактов революционного террора на территории Испанской республики [21. Р. 268–288], описания попыток посольств ряда иностранных государств предоставлять убежище подозреваемым в антиреспубликанской деятельности, а также анализа гуманитарной деятельности Международного Красного Креста. Из представленного материала создается впечатление, что террор в отношении политических противников проводился только в республиканской зоне, террор во франкистской зоне автором даже не упоминается.

Ронкаль или не знаком, или сознательно избегает использовать фундаментальную монографию известного британского историка Пола Престона «Испанский холокост», в которой подведен итог многолетним дискуссиям о характере и масштабах террора и в республиканской, и во франкистской зонах. Вывод Престона однозначен: террор в республиканской зоне был спонтанной реакцией на франкистский террор и характерен лишь для первых месяцев войны; франкистский террор носил планомерный и организованный характер, он продолжался не только на протяжении всей войны, но и в послевоенный период. Престон приводит практически точные цифры репрессированных – около 150 тыс. во франкистской зоне и около 50 тыс. в республиканской зоне, соотношение 3 к 1 [22. Р. XVII–XVIII]. Казалось бы, законченная дискуссия продолжается, Х. Руис со ссылкой на Пейна пишет в 2016 г. лишь о 100 тыс. репрессированных республиканцев в годы гражданской войны [23. С. 323].

Даже не упоминая об этом невыгодном для него сравнении – 3 к 1, Ронкаль пытается связать террор в республиканской зоне с Советским Союзом, представить Сталина его вдохновителем: «Сталин был убежден в том, что одной из основных причин поражения республиканцев может стать присутствие в их тылу предателей. Как и в России, советский лидер потребовал вести себя с предателями решительно. Задача выбора исполнителей, призванных доставить ему такую радость своей работой в Испании, легла на плечи иностранных коммунистов, в особенности немецких, которые объявили о своей готовности защищать Народный фронт и представляли собой наиболее дисциплинированную и организованную группу, а также на активистов Коммунистической партии Испании. В этих случаях офицеры НКВД действовали как инструкторы и надзиратели, контролирующие выполнение советских секретных заданий многочисленными иностранными солдатами интернациональных бригад» [20. С. 187–188].

Трудно не согласиться с данным высказыванием Ронкаля, тем более, что он ссылается на известную работу Б. Володарского о деятельности советских спецслужб в Испании в период гражданской войны [22]. Однако чрезмерное фокусирование внимания на данной версии создает впечатление, что вся репрессивная деятельность в отношении врагов на территории Испанской республики была следствием сталинских указаний, что не соответствует действительности. По приказу Сталина шло точечное уничтожение его политических противников. Речь может идти о сравнительно небольшом количестве людей, что не сопоставимо с десятками тысяч репрессированных. Инициаторами физических расправ с истинными и мнимыми врагами Испанской республики, как правило, выступали даже не органы власти Республики, а различные региональные и местные комитеты и советы, специальные подразделения политических партий и даже толпы простых граждан, разгневанных бомбардировками мирных городов [1. С. 340; 23. С. 345].

Ронкаль находит «тень Советского Союза» в организации бессудных расправ над политическими заключенными мадридских тюрем в ноябре 1936 г., когда войска Франко готовились к захвату столицы и освобождению из тюрем своих сторонников. «Советские советники, – пишет Ронкаль, – также отстаивали необходимость провести в Мадриде чистку среди заключенных, чтобы не допустить их перехода в руки солдат-франкистов» [20. С. 195]. Ссылаясь на «некоторых исследователей», Ронкаль утверждает, что представители советских спецслужб Александр Орлов и Иосиф Григулевич оказывали значительное влияние на республиканских руководителей во время принятия решения о проведении «чисток» в мадридских тюрьмах [20. С. 195].

Ронкаль затрагивает тему степени советского влияния на руководство Испанской республики, в частности он пишет: «Внешне советское влияние было очень значительным. График визитов советского посла был крайне плотным» [20. С. 188]. Далее он приводит перечень встреч советского посла в Мадриде М. Розенберга с различными руководителями рес-

публики, считая это подтверждением своей версии о «значительном влиянии». Ссылаясь на материалы аргентинского и норвежского дипломатов, Ронкаль отмечает «великолепные отношения между министром иностранных дел (Альварес дель Вайо. – М.Н.) и послом Советского Союза, которые, по мнению некоторых иностранных дипломатов, предполагали наличие связи, подобной той, что устанавливается между подчиненным и начальником.

В подтверждение Ронкаль приводит следующий эпизод: «В начале ноября (1936 г. – М.Н.) аргентинский представитель провел деловую встречу с Альваресом дель Вайо. Во время разговора в комнату ворвался советский посол Розенберг и, по словам аргентинского дипломата, не сняв ни пальто, ни шляпы, направился к министру с видом человека, занимающего руководящее положение и действующего с развязностью хозяина» [20. С. 188–189]. Давая общую оценку степени советского влияния на руководителей Испанской республики, Ронкаль, подводя итог, утверждает: «Все советские советники старались установить максимальные контроль и влияние на ход войны, экономическую политику и саму КПИ» [20. С. 198].

Данное утверждение Ронкаля является предметом давних дискуссий в зарубежной историографии, и с ним согласны далеко не все авторы. Так, испанский историк Жозеп Пуитжек Фаррас, свободный от консервативных предрассудков, прямо пишет, что Объединенная социалистическая партия Каталонии, в которую вошли все небольшие коммунистические группировки этого региона, отнюдь не была марионеткой советского консула в Барселоне В.А. Антонова-Овсеевко. «ОСПК, – подчеркивает Фаррас, – имела собственную позицию по происходящему в тылу и на фронте, которая действительно во многом совпадала с позицией консульства» [24. С. 262]. Схожую позицию занимает в этом вопросе британский историк Х. Томас. Он прямо заявляет: «Но было бы совершенно неправильно считать, что Негрин (премьер-министр Испанской республики. – М.Н.) был простым инструментом советской политики... Смешно было предположить, что такой жесткий и независимо мыслящий интеллект с таким нелегким характером может кому-то подчиняться» [1. С. 399].

Перечень подобных высказываний, противоречащих консервативной версии о полном подчинении Испанской республики советскому руководству, может быть продолжен. Очевидно, что невозможно точно измерить степень советского влияния, оценки носят субъективный характер, точно также было бы наивно отрицать наличие попыток советских представителей усилить это влияние. Думается, что истина как всегда посередине. Такой же оценки, на наш взгляд, заслуживает консервативная версия от причастности СССР к широкомасштабному террору в отношении гражданского населения в республиканской зоне. В то же время вряд ли мы можем согласиться с отрицанием консерваторами антифашистского характера гражданской войны в Испании и новой версией мотивов помощи СССР Испанской республике – столкнуть в 1936 г. на полях Испании фашистские и демократические государства. Общеизвестно,

что призывая Францию и Великобританию к сотрудничеству в деле оказания помощи Испанской республике, СССР ставил своей целью установление партнерских отношений с этими государствами для противодействия фашистской агрессии, а не для того, чтобы остаться в стороне в случае маловероятного в тех условиях вооруженного конфликта фашистских и демократических государств.

Рассматриваемые в данной статье работы принадлежат авторам, относящимся к разным научным школам. Пейн является классическим представителем американской консервативной исторической школы старшего поколения, считающего своих профессиональным долгом использование максимально возможного количества

источников с целью создания более объективной реконструкции исторических событий. В то же время для него характерно недоверие к советской внешней политике и убежденность в неискренности заявлений Сталина о поддержке испанской демократии.

Испанский историк Ронкаль, подобно Пейну, также пытается придерживаться классических подходов в реконструкции исторических событий, находясь в то же время в плену устоявшихся антисоветских предубеждений. Очевидно влияние идей постмодернизма на другого испанского автора – Родригеса, использующего заимствованный из его журналистской практики новый методологический подход – постправду [25. С. 20–30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. / пер. с англ. И. Полоцка. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 573 с.
2. Новиков М.В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. 2-е изд., испр. и доп. Ярославль: ЯГПУ, 2007. 320 с.
3. Малай В.В. Гражданская война в Испании и Европа: международный аспекты конфликта. М.: Наука, 2011. 291 с.
4. Шубин А.В. Сталин и Испанская республика (1936–1939) // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 55–80.
5. Мещеряков М.Т. СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история. 1992. № 4. С. 83–95.
6. Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М.: АИРО-XX, 2000. 152 с.
7. Мельтюхов М.И. Политика «коллективной безопасности» Советского Союза в контексте международных отношений в 1933–1939 гг. // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 15–54.
8. Новиков М.В. Советская военная помощь Испанской республике в 1936–1939 гг. в интерпретации англо-американских историков // Российская история. 2017. № 4. С. 123–133.
9. Payne S. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism. New Haven and London, 2004. 400 p.
10. Родригес-Булгакова И. Испанская историография гражданской войны 1936–1939 гг. // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 503–516.
11. Сталин и гражданская война в Испании. 17 июля 2016 г. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>
12. Родригес Л.П.М. Некоторые принципиальные ошибки в представлениях о гражданской войне в Испании // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 81–99.
13. Стариков Н.В. Война чужими руками. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
14. Новиков М.В. Гражданская война, золото и советская военная помощь Испанской республике (1936–1939 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 109–115.
15. Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа / пер. с англ. В.Н. Матюшиной; под общ. ред. Ю. А. Васильева. М.: Междунар. отношения, 1995. 576 с.
16. Vinas A. Gold, the Soviet Union, and the Spanish Civil War // European Studies Review. 1979. Vol. 9, № 1. P. 105–128.
17. Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936–1939 / пер. с англ. А. Кабалкина. М.: Ко Либри, Азбука-Аттикус, 2018. 720 с.
18. Пожарская С.П. Франкизм как испанская разновидность фашистской государственности / Фашизм и антидемократические режимы в Европе. М.: Наука, 1981. С. 47–63.
19. История фашизма в Западной Европе. М.: Наука, 1978. 602 с.
20. Ронкаль А.М.М. Советский посол в Мадриде: реакция иностранного дипломатического корпуса в Испании // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 170–199.
21. Payne S. Political Violence During the Spanish Second Republic // Journal of Contemporary History. 1990. Vol. 25, № 2–3. P. 269–288.
22. Preston P. The Spanish Holocaust. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2012. 700 p.
23. Руис Х. Ложное обвинение: Советский Союз и зверства республиканцев в Паракуэльос // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 315–350.
24. Фаррас Ж.П. Советское консульство и коммунистическое движение в Каталонии во время гражданской войны // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 245–271.
25. Баранов М.А. Мягкая сила в условиях постправды // Социально-политические исследования. 2018. № 1. С. 20–30.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 июня 2019 г.

Soviet Aid to the Spanish Republic in 1936–1939: Modern Conservative Versions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 134–142.

DOI: 10.17223/15617793/464/16

Mikhail V. Novikov, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: m.novikov@yspu.org

Keywords: Spanish Republic; Civil War; Soviet aid; conservative versions.

The study is carried out within the framework of a state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 33.7591.2017/8.9.

The subject of the study is some modern conservative versions of the history of the Soviet Union's military assistance to the Spanish Republic in 1936–1939. The aim of the article is to attempt a critical analysis of the new and revived versions of the motives of Soviet intervention in the Spanish conflict, of the involvement of the Soviet leadership in large-scale terror against civilians in the republican zone, of the degree of influence of the Soviet leadership and Soviet representatives in Spain on the governmental structure of the Spanish Republic, of the anti-fascist character of the war. The study has established the inconsistency of the versions about

Soviet aid as a means of promoting the world revolution in Spain and as an attempt to draw the democratic and fascist states into a major war between themselves through the Spanish conflict, about the possibilities of Stalin in 1936 to manipulate the great powers. It has been proved that conservative historians exaggerate the degree of influence of Stalin and Soviet political representatives in Spain on the military-political leadership of the republic. The impact of the so-called “instruments” of Soviet influence in the Spanish Republic is also exaggerated. The first of the instruments is considered to be the relocation of part of the gold reserve to Moscow, which, allegedly, allowed the Soviet control over the finances of the republic to be established. The second is the activities of Soviet military advisers; the third is the Communist Party of Spain, which was part of the Comintern, and was considered as an obedient tool in the hands of Moscow. It was and still is traditional to attribute responsibility for unleashing large-scale terror against civilians in the republican zone to Stalin, which does not correspond to reality as convincingly proved by the British historian P. Preston in his famous work *The Spanish Holocaust*. The scale of terror was exaggerated in the republican zone and, accordingly, understated in the Francoist zone. The study shows the failure of attempts to distort the anti-fascist nature of the war waged by the Spanish Republic relying on the support of the Soviet Union, Mexico, the progressive public of most civilized countries of that time, as well as attempts to present the regimes of Hitler, Mussolini and Franco in 1936–1939 as quite respectable. The new and updated critical versions of the Soviet aid to the Spanish Republic considered in the article are the result of the neoconservative wave in western historiography, which influenced representatives of both the classical historical school and the adherents of postmodernism.

REFERENCES

1. Thomas, H. (2003) *Grazhdanskaya voyna v Ispanii. 1931–1939 gg.* [The Spanish Civil War. 1931–1939]. Translated from English by I. Polock. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
2. Novikov, M.V. (2007) *SSSR, Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 gg.* [USSR, Comintern and the Spanish Civil War 1936–1939]. 2nd ed. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
3. Malay, V.V. (2011) *Grazhdanskaya voyna v Ispanii i Evropa: mezhdunarodnyy aspekty konflikta* [The Spanish Civil War and Europe: International Aspects of the Conflict]. Moscow: Nauka.
4. Shubin, A.V. (2016) Stalin i Ispanskaya respublika (1936–1939) [Stalin and the Spanish Republic (1936–1939)]. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 55–80.
5. Meshcheryakov, M.T. (1992) SSSR i grazhdanskaya voyna v Ispanii [USSR and the Spanish Civil War]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 83–95.
6. Rybalkin, Yu. (2000) *Operatsiya “X”. Sovetskaya voennaya pomoshch’ respublikanskoj Ispanii (1936–1939)* [Operation “X”. Soviet military aid to the republican Spain (1936–1939)]. Moscow: AIRO-XX.
7. Mel’tyukhov, M.I. (2016) Politika “kollektivnoy bezopasnosti” Sovetskogo Soyuza v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v 1933–1939 gg. [The policy of “collective security” of the Soviet Union in the context of international relations in 1933–1939]. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 15–54.
8. Novikov, M.V. (2017) Anglo-American researchers about Soviet military assistance to the Spanish Republic in 1936–1939. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 4. pp. 123–133. (In Russian).
9. Payne, S. (2004) *The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism*. New Haven and London: Yale University Press.
10. Rodrigez-Bulgakova, I. (2016) Ispanskaya istoriografiya grazhdanskoy voyny 1936–1939 gg. [Spanish historiography of the Civil War, 1936–1939]. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 503–516.
11. Regnum.ru. (2016) *Stalin i grazhdanskaya voyna v Ispanii* [Stalin and the Civil War in Spain]. 17 July 2016. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>.
12. Rodrigues, L.P.M. (2016) Nekotorye printsipial’nye oshibki v predstavleniyakh o grazhdanskoy voyne v Ispanii [Some fundamental mistakes in ideas about the Civil War in Spain]. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 81–99.
13. Starikov, N.V. (2017) *Voyna chuzhimi rukami* [War by someone else’s hands]. Moscow: Eksmo.
14. Novikov, M.V. (2018) The Civil War, gold and Soviet military aid to the Spanish Republic (1936–1939). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 109–115. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/431/15
15. Tsarev, O. & Costello, J. (1995) *Rokovye illyuzii. Iz arkhivov KGB: delo Orlova, stalinskogo mastera shpionazha* [Deadly Illusions: The KGB Orlov Dossier Reveals Stalin’s Master Spy]. Translated from English by V.N. Matyushina. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
16. Vinas, A. (1979) Gold, the Soviet Union, and the Spanish Civil War. *European Studies Review*. 9 (1). pp. 105–128.
17. Beevor, A. (2018) *Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939* [The Battle for Spain: The Spanish Civil War 1936–1939]. Translated from English A. Kabalkina. Moscow: Ko Libri, Azbuka-Attikus.
18. Pozharskaya, S.P. (1981) Frankizm kak ispanskaya raznovidnost’ fashistskoy gosudarstvennosti [Francoism as a Spanish variety of fascist statehood]. In: Zharnovskiy, Ya. et al. (eds) *Fashizm i antidemokraticheskie rezhimy v Evrope* [Fascism and anti-democratic regimes in Europe]. Moscow: Nauka. pp. 47–63.
19. Filatov, G.S. (ed.) (1978) *Istoriya fashizma v Zapadnoy Evrope* [History of fascism in Western Europe]. Moscow: Nauka.
20. Ronkal, A.M.M. (2016) Sovetskiy posol v Madride: reaktsiya inostrannogo diplomaticheskogo korpusa v Ispanii [Soviet ambassador in Madrid: the reaction of the foreign diplomatic corps in Spain]. Translated from Spanish. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 170–199.
21. Payne, S. (1990) Political Violence During the Spanish Second Republic. *Journal of Contemporary History*. 25 (2–3). pp. 269–288.
22. Preston, P. (2012) *The Spanish Holocaust*. N.Y.; London: W.W. Norton & Company.
23. Ruiz, J. (2016) Lozhnoe obvinenie: Sovetskiy Soyuz i zverstva respublikantsev v Parakuel’os [False accusation: the Soviet Union and Republican atrocities in Paracuellos]. Translated from Spanish. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 315–350.
24. Farras, J.P. (2016) Sovetskoe konsul’stvo i kommunisticheskoe dvizhenie v Katalonii vo vremya grazhdanskoy voyny [Soviet consulate and the communist movement in Catalonia during the Civil War]. Translated from Spanish. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 245–271.
25. Baranov, M.A. (2018) Soft power in the conditions of post-truth. *Sotsial’no-politicheskie issledovaniya – Social and Political Research*. 1. pp. 20–30. (In Russian).

Received: 19 June 2019